

ANDRZEJ DE LAZARI
(Łódź, Poland)

КУЛЬТУРНАЯ ЗАПРОГРАММИРОВАННОСТЬ
ДОСТОЕВСКОГО, ЕГО ГЕРОЕВ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЕГО ТВОРЧЕСТВА
Попытка применить к литературоведению категории
Гирта Хофстеда

Культура — это коллективная
ментальная запрограммированность,
часть предопределенности восприятия
мира, общая с другими
представителями данной нации,
региона или группы и отличающая нас
от представителей других наций,
регионов и групп.

(Гирт Хофстед)

Исследования голландского этнопсихолога, Гирта Хофстеда (*Culture's Consequences — Последствия культуры*, 1980 и *Dimensions of National Cultures in Fifty Countries and Three Regions — Измерения национальных культур в пятидесяти странах и трех регионах*, 1983¹), по научной значимости некоторые ставят в ряд с исследованиями культур Макса Вебера.² Хофстед, исследовав работников компании ИВМ в пятидесяти странах, пришел к выводу, с которым не поспоришь. Все компьютеры запрограммированы одинаково, но умы людей, которые на них работают — совсем по-разному, так как запрограммировали их культуры, в каких они выросли.

В России исследования Хофстеда еще мало популярны, хотя, казалось бы, там хорошая почва для них, благодаря наследию Николая

---

¹ См. также Hofstede G. *Cultural Dimensions*. <http://www.geert-hofstede.com/>.

² См. Колонтай М., Хофстед Г. Ментальная запрограммированность // *Русские медведи и Белая гвардия*. <http://www.rshm.ru/articles/?article=57>.

Данилевского и все «вечно живой» категории народности, по сегодняшний день «программирующих» многих русских.

Этики давно уже пришли к выводу, что нет возможности постулировать «нормы, обязывающие безусловно» в каждой культуре и в каждой ситуации. Эстетики, в отличие от них, все мечтают об искусстве «сверхкультурном», как эманации Абсолюта или Человека как такового. Кажется, еще только русская эстетика приберегла и все культивирует категорию народности; западная же, после компроматации фашистского *völkisch*, провозглашает идею «общечеловеческого» искусства. Также дело обстоит с литературоведами. Для большинства из них литературное произведение является ценностью самой по себе и рассматривается в независимости от мировоззрения создателя. Иногда — во имя «чистоты искусства» («Произведение искусства [...] может быть воспринято как слоистая структура знаков и значений, совершенно разная от ментальных процессов автора в период творения, следовательно — и от влияний, которые могли формировать его мысль. [...] Когда осознаем природу искусства и поэзии, их победу над смертностью и назначением человека, их силу творения нового мира воображения — тогда исчезнет национальное тщеславие. Появляется человек, всечеловек, человек всегда и всюду...» — писал Рене Веллек³); другой раз — во имя идеологических потребностей (например — прочтение Белинским и его кругом творчества Гоголя, или же Бахтинская идея полифонии, благодаря которой Достоевского опять можно было читать в Совдепии).

Я, конечно, не против возможности прочтения произведений искусства вне «ментальных процессов автора в период творения». Пожалуйста! Однако же для меня, как историка идей, «Художник прежде всего человек, [...] т. е. потомок таких или других предков, сын известной эпохи, известной страны, известной местности страны»; и одновременно — сын «наиболее даровитый», «наиболее чуткий и отзывчивый на кровь, на местность, на историю...»⁴ Здесь я повторяю слова русского романтика, Аполлона Григорьева. Думаю, сегодня подписался бы под ними и Гирт Хофстеде, и согласился бы с Григорьевым, что «принцип народностей» не исключает наличия в искусстве, как и во всякой другой деятельности человека, общечеловеческого элемента (хотя бы общей компьютерной программы), потому что иначе не было бы таланта, однако даже этот общечеловеческий элемент выражается

---

³ Wellek R. 1968. Kryzys literatury porównawczej // *Pamiętnik Literacki*, z. 3, 278–279.

⁴ Григорьев А. 1986. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // *Искусство и нравственность*. Москва, 43.

в цветах времени, места и народа,⁵ которые Хофстед называет культурной запрограммированностью ума.

И вот я попробую применить методологию Гирта Хофстеда к рассуждениям о культурной запрограммированности Достоевского, его героев, но также исследователей его творчества.

По Хофстеду, одну культуру от другой отличают четыре «культурных измерения». Это:

дистанция власти (большая / малая);
индивидуализм / коллективизм;
мужественность / женственность;
избегание неопределенности (сильное / слабое).⁶

Дистанция власти (Power Distance)

— это степень, в которой общество приемлет неравное распределение власти в обществе.⁷

В культурах с низкой дистанцией власти (например, в Скандинавии) коммуникативный стиль политиков заметно отличен от, например, Турции, где политик должен излучать значительность, властность и могущество.⁸

Что в России из покон-веков большая дистанция власти, думаю, никого убеждать не надо. Правда, по легенде, русское государство «было основано не завоеванием, а добровольным призванием власти»,⁹ и якобы не имело основ для образования антагонистических классов и большой дистанция власти. Почвенники во главе с Достоевским полностью разделяли историософские концепции об отсутствии классов и классовых антагонизмов в России. Анонимный автор статьи «Дворянство и земство» на страницах журнала «Время» доказывал, что

---

⁵ Григорьев А. 1915. Несколько слов о законах и терминах органической критики // Григорьев А. *Собрание сочинений в 14-ти томах*, вып. 2. Москва, 156; см. также: Lazari A. 1996. „Ostatni romantyk” *Apollon Grigorjew*. Katowice, 67–78; де Лазари А. 2004. *В кругу Федора Достоевского. Почвенничество*. Москва, 135.

⁶ Позже Хофстед добавил еще один индекс: *Long-Term Orientation* (долгосрочная ориентированность на будущее).

⁷ Hofstede G. 2000. *Kultury i organizacje*. Durska M. (przeł.) Warszawa, 67.

⁸ Бергельсон М. Б. *Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: Лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий*, <http://www.ffl.msu.ru/people/mbergelson/28.htm>.

⁹ Аксаков К. С. 1861. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. Москва, 17. См.: Chojnicka K. 2000. *Teoria normańska // Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*. Т. 3, Łódź, 278–281.

«в древней Руси не было сословий», что там «народ — люди русские не делились никакими сословными перегородками» и приходил к выводу:

...если теперь говорят, что одна часть теперешнего народонаселения России должна тесней сблизиться, соединиться с другою, то вовсе тут не имеют каких-то западных идей, а берут только мысль данного факта, существовавшего давным-давно.¹⁰

Аристократическая среда, в которой вращался Достоевский в конце жизни, несомненно, ему очень импонировала. Однако он также не рассматривал дворянство как класс. Версиков в «Подростке» развивает свою мысль о русском дворянстве таким образом:

Я не могу не уважать моего дворянства. У нас создан веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, — тип всемирного боления за всех. Это — тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России. Нас, может быть, всего только тысяча человек — может, более, может, менее — но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу

(Там же, 376).

Таким образом, для Версикова, как и для анонимного автора статьи «Дворянство и земство», дворянство — это «высший культурный слой народа русского», это «лучшие мужи, старцы народные».¹¹ (Сегодня русские патриоты называют эту «тысячу» интеллигенцией, отличая ее, конечно, от постсоветской «образованщины»).

С другой стороны, почвенники видели пропасть между «народом» и властью и призывали русскую интеллигенцию «вернуться к почве». Бесклассовое общество было ведь лишь их неосуществленным идеалом. В действительности — самодержавной реальностью была очень большая дистанция власти, просуществовавшая по сей день.

Индивидуализм / коллективизм (Collectivism vs Individualism).

Индивидуализм — это степень, в которой общество согласно с тем, что отдельная личность может быть независима от групповых убеждений и действий. Коллективизм, наоборот, означает, что люди

¹⁰ «Время». 1862, № 3, 20.

¹¹ Заметки Достоевского свидетельствуют о том, что в уста Версикова писатель вложил свои собственные суждения. Отсюда, вероятно, и предположение Вейна Даулера, что автор «Дворянства и земства» — сам Достоевский: Dowler W. 1982. *Dostoevsky, Grigor'ev and Native Soil Conservatism*. Toronto, 108–109.

обуславливают свои воззрения и поступки мнением группы (семьи, костела, партии). Индивидуализм характерен для культур, в которых связи между членами не очень тесны; коллективизм — для тех, в которых люди «с рождения интегрированы в сплоченные группы, которые защищают их в обмен на лояльность».¹²

Русская мысль не перестает искать ценность более «широкую», чем достойное человеческое *Я*. Казалось бы, провал коммунизма дал возможность русскому самосознанию сосредоточить внимание на освобождении личности от произвола коллектива — от *Мы*, облеченного в идеологемы общины, класса, государства, религии, народа. Казалось бы, русская мысль будет стремиться теперь в первую очередь создавать основы правового государства, в котором *Я*, независимо от происхождения, вероисповедания и мировоззрения, будет свободным в рамках закона, а законы будут создаваться во имя отдельного человека, а не во имя класса, народа или другого коллектива. К сожалению, в широком масштабе такое не происходит и русская мысль все еще борется за избранное *Мы*, а имя Достоевского остается аргументом в этой борьбе.

Поскольку дистанция власти осуществлялась в России прежде всего благодаря категории самодержавия (в СССР — партийности), постольку русский и советский коллективизм пользовался прежде всего категорией народности. Пытаясь сформулировать, в чем состоит суть мировоззрения почвенников, Достоевский писал в «Объявлении о подписке на журнал *Время* на 1863 г.»:

...весь спор состоит в том, как нужно понимать народ и народность [...] Доктринеры хотят учить народ... и не понимают главнейшей аксиомы, что только тогда народ станет читать их книжки, когда они сами станут народом, [...] когда народные интересы станут совершенно нашими, а наши его интересами. [...] Повторяем: все дело в понимании слова «народность». [...] нравственно надо соединиться с народом вполне и как можно крепче [...] надо совершенно слиться с ним и нравственно стать с ним как одна единица (20, 208–210).

Народность ведет Достоевского к коллективистскому мессианству:

Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной (23, 17).

---

¹² См. Zaltsman R. *Анализ конфликтного дискурса в транснациональном дистанционном семинаре*, http://www.russcomm.ru/rca_biblio/z/zaltsman.shtml.

Мужественность / женственность (Masculinity vs Femininity)

Мужественность характерна для культур, четко разделяющих *гендерные* роли: мужские — более конфронтационные, ориентированные на успех; женские — более мягкие, направленные на солидарное улучшение качества жизни.

Русским мыслителям Россия ассоциировалась всегда с женственностью. Бердяев говорил даже *О «вечно бабьем» в русской душе*.¹³ Все положительные герои Достоевского «женственные» (Мышкин, несмотря на то, что он Лев, Алеша Карамазов, а у одного героя, кроме характера — «женственная фамилия» Девушкин). Но с другой стороны, Россия империалистическая страна с большой армией и жестким управлением, что характерно для мужественных стран. У Достоевского отметим это в его колонизаторских порывах в отношении Азии, с призывами такого рода:

...имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось! (27, 33).

Избегание неопределенности (Uncertainty Avoidence)

— это степень ощущения неуверенности в неопределенных заранее ситуациях; боязнь инноваций, перемен, желание сохранить статус-кво а даже вернуться в прошлое, поиски абсолютной истины.

Как не вспомнить здесь об Обломове и обломовщине? Обломов является символом русского избегания неопределенности. Символ более современный: «Лишь бы не было войны!».

О Достоевском этого не скажешь. Игрок не избегает неопределенности. Кроме того, по мнению Достоевского, именно война в состоянии объединить и во всех отношениях уравнивать интеллигенцию с народом: «Умирать вместе — это соединяет», что не под силу даже социальной революции, — и Достоевский призывает к войне (24, 90; 25, 95). Но, с другой стороны, писатель нашел абсолютную истину — русского Христа — и мечтал, если не вернуть Россию в прошлое, как славяно-филы, то хотя бы не дать ей больше бежать на «эгоистический» Запад.

* * *

---

¹³ Статья 1915 г., рецензия на книгу Розанов В. В. 1915. *Война 1914 года и русское возрождение*. Петроград.

Определяя менталитет Достоевского по четырем «культурным измерениям», приходим к выводу, что он однозначный коллективист с чувством большой дистанции власти (хотя мечтает о малой), внутренняя женственность и избегание неопределенности у него соседствуют с внешней мужественностью и азартностью.

Герои же Достоевского более однозначны. Положительные (Мышкин, Соня Мармеладова, Шатов, Алеша Карамазов, старец Зосима и т.п.) — женственные коллективисты, избегающие неопределенности и с чувством большой дистанции власти; негативные (Раскольников, Петр Верховенский, Иван Карамазов, Смердяков и т.п.) — мужественные индивидуалисты-«нигилисты», азартные, отрицающие власть и всякий авторитет. Положительные — русские «по душе», негативные — «западные».

Теперь стоит задуматься, как «культурная запрограммированность» самих достоевсковедов влияет на их прочтение наследия писателя.

Вот индексация избранных стран, проведенная по параметрам Хофстеда:¹⁴

Страна	Дистанция власти	Индивидуализм	Мужественность	Избегание неопределенности
Бангладеш	80	20	55	60
Болгария	70	30	40	85
Венгрия	46	80	88	82
Вьетнам	70	20	40	30
Германия	35	67	66	65
Китай	80	20	66	30

¹⁴ см.: Hofstede G. 2001. *Culture's Consequences*. Second Edition. Sage Publications, 502; Матяш О. *Особенности коммуникативных взаимодействий в организационной среде России и США*. http://www.russcomm.ru/rca_biblio/m/matyash10.doc; Наумов А. *Влияние национальной культуры на управление бизнесом*. <http://www.tpprf.ru/img/uploaded/2003110315353525.doc>.

Люксембург	40	60	50	70
<i>Польша</i>	68	60	64	93
<i>Россия</i>	93	39	45	95
Румыния	90	30	42	90
США	40	91	62	46
Чехия	57	58	57	74
Франция	68	71	43	86
Эстония	40	60	30	60
Япония	54	46	95	92

В приведенном «менеджерском таблице о ранге»¹⁵ Россия по индексам дистанции власти и индивидуализма находится рядом с такими странами, как Бангладеш, Китай, Румыния. На другом полюсе Венгрия, Германия, Люксембург, США. По индексу мужественности Россия занимает среднее место, рядом с Болгарией, Вьетнамом, Румынией, но и с Францией. Выше индекс у Венгрии, Германии, США и Японии. Из представленных стран избегание неопределенности у России самое высокое, чуть ниже у Польши, Румынии и... Японии. На другом полюсе Вьетнам, Китай и... США.

Для русских менеджеров, привыкших сравнивать себя с европейцами и североамериканцами, вывод неутешительный (Там же). А для Достоевсковедов?

Что «культурная запрограммированность» влияет на прочтение книг Достоевского, я не раз убедился на собственном опыте. Виктор Ерофеев четко же отметил, что наша «система понятийности разнится кардинально»:

---

¹⁵ Выражение Михаила Колонтая, см. *Гирт Хофстед: ментальная запрограммированность...*

Поляк ведет диалог на картезианском уровне логических категорий, чувствительно относясь к проблеме противоречия, с отчетливым представлением о своих интересах. Русский рассуждает на основе общей витальности, интегрирующей противоречие как элемент «живой жизни», снимающей вообще вопрос об интересах во имя надмирного смысла. Польская точка зрения русскому кажется узкой и неприятно прагматичной. Соответственно русская точка зрения оказывается для польского сознания неряшливо-расплывчатой и подозрительно «тотальной». Речь идет о двух разных типах культуры и цивилизации, которые тем более взаимоотноужденны, что находятся по соседству (*Будь я поляком*, 1995).

Вот, например, категория романтизма. Нет возможности, чтобы какой-нибудь польский поклонник Достоевского обиделся на меня, когда я называю писателя романтиком, а ведь русские в основном обижаются. Они по-другому воспринимают романтизм. Со времен Белинского¹⁶ он им ассоциируется с «оторванностью от действительности», с эгоистическим индивидуализмом, субъективизмом, мистицизмом, консерватизмом, реакционностью и обскурантизмом, и противопоставляют ему «прогрессивный» объективизм «реального / реалистического искусства», и чтобы не называть Достоевского романтиком, подыскивают определения типа «реализм в высшем смысле» (это определение самого Достоевского), «фантастический реализм», «реализм пророческий и духовный», «христианский реализм», «магический реализм», «метафизический реализм» и даже «романтический реализм». Отсюда идет также русская и советская тенденция называть Пушкина и даже Мицкевича реалистами. В моем восприятии выражение Достоевского: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» (27, 65) — символ романтического мировоззрения, и я этим Достоевского возвышаю, а моим русским коллегам кажется, что я его недооцениваю.

Термин «реализм» в русско-советской традиции носит типично идеологический характер и тесно связан с русским коллективизмом — все равно, принимает ли он облик классовости, народности или модной теперь соборности. Польское же положительное отношение к романтизму исходит из индивидуализма, индекс которого в Польше (60) гораздо выше, чем в России (39). Чуть издеваясь — лозунг «Ленин вечно жив» для поляков никогда не мог быть «реальностью»; также — из-за их отношения к власти (индекс дистанции власти для Польши 68, для России 93). Разницу в индивидуализме и в дистанции власти лучше

---

¹⁶ См. Walicki A. 2000. *Wissarion Bieliński a zagadnienia romantyzmu // Idea wolności u myślicieli rosyjskich*. Kraków, 67–105.

всего видно в том, за что русские и поляки боролись: первые — «За Бога, Царя и Отечество», вторые — «За Бога, *Гонор* и Отечество».

В современной русской культуре — пишет специалист по менеджменту, Михаил Колонтай — коллективизм — это объяснение многих явлений и настроений людей, таких как «ждать и надеяться», ожидание защиты со стороны руководителя, низкая личная ответственность за решение проблем, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни. Возможно, если следовать буквально по Хофстеду, в этом одна из причин бедности страны и медленного движения в сторону улучшений.¹⁷

Я добавил бы здесь, что это также причина нерешимости в переоценке многих, в том числе и литературных явлений, и «реализма» в мировоззрении Достоевского.

Михаил Колонтай пишет дальше:

По крайней мере два следствия коллективистского наследия стоит упомянуть. 1. Высокий уровень агрессивности, или «холода», по отношению к чужим, то есть не членам группы. Внешним проявлением этого может служить сдержанное, если не холодное, приветствие по отношению к чужим. Это касается как личных встреч, так и телефонного общения. В индивидуалистических культурах, например в США, менеджеры или сотрудники компаний одинаково любезно относятся ко всем. 2. Нелогичность поведения, следование эмоциям, а не доводам разума. В индивидуалистических обществах ценится рационализм и когнитивная последовательность. В России логика и рационализм не всегда учитываются...

(Там же).

Среди русских литературоведов второе следствие очень заметно, хотя бы тогда, когда на место советского коллективизма выдвигают русскую соборность. По-моему, как и большинство русских вообще, многие литературоведы, отталкивая романтизм, до сих пор из романтизма, «из сказки» не вышли — все вращается в идеализме, интуитивном познании, оторванности от реальной действительности. Виктор Ерофеев так подытожил русское бытие:

Сказочность внутреннего поля России — в его принципиальной нерасшифрованности. Враги организуются как нечисть. Причины и следствия меняются местами. Завязываются зазеркальные связи. Сказка конспиративна. Черные кошки приравнены к проискам Провидения. Русский выпускает в себя сказочное мышление и зависает на пороге двух миров, не

---

¹⁷ Колонтай М. *Гирт Хофстед: ментальная запрограммированность...*

находя покоя ни в житетворчестве, ни в созерцании. Самобытность русского мира — в самопоглощении. Магический мир привлекает меня волшебными фантазиями и напрягает неспособностью справиться с колдовством. [...] Я вхожу в мир с заранее заточенными символами. Я притворяюсь, что могу изменить иллюзорный мир иллюзорным действием. («Энциклопедия русской души»)

В избегании неопределенности поляки (93) почти не отличаются от русских (95), побольше разница в мужественности (у поляков индекс — 64, у русских — 45). Заметно ли это в литературоведении — ответить пока я не в состоянии. Также, как я пока не в состоянии описать по категориям Хофстеда восприятия Достоевского литературоведами других наций, хотя уверен, что это возможно.